



Дурная это затея — строить дом на индейском кладбище...

— Полно тебе, Эл, неужто ты веришь в эти бредни? Взгляни на этих ребят! Вон как лопатами машут и ничего не боятся.

— Великая депрессия пострашнее проклятий будет, — хмыкнул Альберт, закуривая. — Но на твоём месте...

— Как хорошо, что ты на своём месте! — оборвал приятеля Генри. — Вот решат крауты снова напасть, прибежишь как миленький, станешь проситься в бункер, а я ещё подумаю дважды, пускать тебя или нет.

— Ты безумец, О'Коннел. Война давно кончилась. Ты бы мог пустить эти деньги на что угодно. — Альберт поморщился, глядя на то, как два десятка юношей в поте лица роют влажную после дождя землю.

— Я своим деньгам счет знаю, — ухмыльнулся мужчина. — Поверь, думая о том, куда катится эта страна, я выбрал лучшую из инвестиций. Попомни мое слово, дружище...

Последняя обитель

Внезапно раздавшийся свист остановил работу. Железные полотна как по команде прекратили терзать почву. Один из рабочих, на вид самый опытный и взрослый, неторопливо подошел к Генри О'Коннелу и раскрыл перед ним ладонь. В чумазой пятерне лежало украшение, серьга грубой работы: серебряный диск с камушком бирюзы по центру, напоминающим глаз.

— Тунксисы... — испуганно прошептал Эл. — Я говорил тебе, это дурная затея!

— Чушь! — отмахнулся Генри. — Продолжай копать, сынок. Все, что найдете в земле, — по праву ваше, делите, как вздумается.

— Есть, сэр, — криво улыбнулся парень, возвращаясь к бригаде. — Можете на нас положиться.

— Это безумие, О'Коннел, побойся бога!

— Единственное, чего я боюсь, — это война. И чтобы пережить ее, мне нужен бункер. Ну а с кучкойдохлых индейцев я уж как-нибудь разберусь.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. — Эл затушил сигарету о подошву и сунул окуроч в карман.



В

от уже двадцать минут Том Возняк стоял у крыльца собственного дома, не решаясь войти. Одна мысль о том, что ему придется огласить дурную весть, заставляла дрожать сильнее, чем промозглый октябрьский ветер того дня, кидавшийся на прохожих, точно бездомный пес на грани бешенства. Мужественно приняв его очередной удар, девятилетний мальчишка едва не упал. Он отчаянно замахал руками, стараясь сохранить равновесие, и чудом не отбил себе пятую точку. Томми тяжело вздохнул и продолжил бессмысленное стояние в сгущающихся сумерках, до наступления которых было велено вернуться домой.

Утром Томми твердо решил: сегодня во что бы то ни стало он принесет домой пару центов, чем заставит своих родителей, Тадеуша и Беату, прыгать до потолка от радости. Уверенности придавал восхитительный сон, в котором за стрижку газона размером с футбольное поле и покраску бесконечно длинного, но при этом невысокого забора в отвратительный розовый цвет незнакомая старушка отстегнула юному работнику целый

Последняя обитель

четвертак. Одного воспоминания хватило, чтобы горло вновь сдавила когтистая лапа стыда, который Том испытывал от мысли о собственных деньгах...

Закрывая глаза, он по-прежнему видел протянутую ему серебристую монетку, что блестела в сухой, словно покрытой тонкой и прозрачной пленкой ладони. В мире грез мальцу хватило смелости принять вознаграждение. Усилием воли он победил страх ненароком обмануть пожилую леди, забрать у нее больше, чем та планировала отдать самостоятельно. Переволновавшись во сне, бледный от природы Том проснулся с пылающим на щеках румянцем. Беата тотчас приняла его за первый симптом бушевавшего в те годы туберкулеза и сильно разнервничалась. Понадобилось по меньшей мере полчаса, чтобы миссис Возняк поверила: с ее сыном все в порядке, он не просто здоров, но и полон решимости заработать несколько пенни, а если даст Бог, то и целый квотер, как во сне!

К несчастью, у Бога оказались другие планы. Детская мечта встретила суровую реальность. Результат на сегодня — ноль центов. И этой просто плохой новости, черт побери, оказалось недостаточно: за ней последовала по-настоящему ужасная! Пару часов назад подошва левого ботинка отошла и раскрылась, как пасть голодной псины. Том босой ступней угодил прямиком в лужу и, потрясенный случившимся, несколько секунд стоял одной ногой в холодной воде, словно еще что-то можно было исправить. Но довольно скоро пришлось напомнить самому себе: если к новостям о порванном ботинке прибавится тяжелая простуда, со всеми ее расходами на лекарства и поездками к доктору, то его, паршивое отродье

(Том не до конца понимал, что это значит, но, когда отцу приходилось злиться, он называл его именно так), отхлещут ремнем! Да так сильно, что следующий месяц ходить по-большому он сможет исключительно стоя.

К слову об обидных прозвищах, у Тома их собралось не меньше дюжины. Однажды он даже решил составить полный список, но одернул себя прежде, чем в руках оказались карандаш и бумага. Мальчишка не сомневался: если этот «документ» попадет в руки одному из родителей или старшей сестре Аделаиде, парой синяков дело не обойдется. Отец вновь заставит его провести ночь в сарае, как в тот раз, когда Том попробовал затянуться сигаретой. Страх оказаться запертым в старой покосившейся коробке из прохудившихся досок, сквозь которые ночью мелькали тени и просачивались жуткие скрипы, махом отбил шальную идею.

Именно поэтому все «экспонаты» хранились в надежнейшем из мест — голове Тома. Время от времени он перебирал оскорбления в мыслях, беззвучно проговаривая их интонациями людей, безвозмездно пополнявших коллекцию. При этом не возникало и малейшей обиды. Напротив, отдельные выражения заставляли глупо посмеиваться. Особенно те, что выдавала миссис Возняк, когда сын приносил в дом очередную «ужасную» весть о разбитом окне или штанах, испачканных свежей краской.

«Чертов ты сукин сын!» — надрывно кричала мать. Ее скулы, покрытые сеточкой морщин, напрягались, а на шее вздувались вены. Замечая это, Том виновато опускал голову в ожидании удара, но вместе с тем изо всех сил пытался сдержать улыбку. *«Если я сукин сын, выходит, моя мать и есть сука!»* — украдкой думал он, глотая

Последняя обитель

глупые смешки. В таких случаях хорошая оплеуха не заставляла себя ждать, но, как рассуждал юнец после, «оно того стоило».

Странным образом многое из того, что могло обидеть Тома, казалось ему смешным. В безоговорочных лидерах значились «свинорылый рукожоп» и «косоглазый долботряс». Любая попытка вообразить одно из этих существ растягивала уголки рта, обнажая ряд мелких, неровных зубов мальчишки. Это приводило в бешенство Делу (так Аделаиду называли домашние). Она легко бы поклялась на Библии, что считает младшего брата умственно отсталым, о чем не забывала напоминать окружающим. По сути же, Том рос довольно смышленным пареньком, чье богатое воображение порой играло с ним злые шутки.

В бесконечной череде «обзывательств» мелькали и такие, над значением которых приходилось поломать голову. Учитель начальных классов, мистер Уайтстоун, нередко называл Тома «несчастливым отпрыском Великой депрессии». Каждый раз, слыша эту громоздкую словесную конструкцию, Возняк-младший напряженно сдвигал брови, пытаясь понять, каким образом его родила Великая депрессия, и если она такая великая, то почему он — несчастный? Попытка разузнать у отца, в чем заключается величие депрессии, о которой упоминал преподаватель, не увенчалась успехом. Мужчина, так ничего и не объяснив, печально вздохнул и закурил. После, слегка взъерошив тонкие светлые волосы сына, он ушел, оставив его в облаке горького сизого дыма и еще большем недоумении.

Последние несколько дней можно было назвать относительно спокойными. Тома почти неделю не наказывали, но сегодня он точно получит *«причитающуюся»*, ибо в очередной раз ему удалось, как говорил отец, *«обосраться по-крупному»*. *«Несчастному отпрыску Великой депрессии»* предстояло сообщить родителям о том, что он теперь наполовину босой. Предвидя истерику матери и старые добрые упреки отца в том, что Томас *«вечно шастает по лужам, хоть и знает, что ботинки не растут на деревьях»*, Возняк-младший заготовил мощный контраргумент. Все это время он знал, откуда в доме появилась пара старомодных башмаков. И нет, их не принесли из того сверкающего магазина с большой витриной на центральной улице.

Эти туфли семье Возняк подарил сосед, мистер Гольдштейн. Его сын, имя которого Томас не знал, страдал тяжелой формой рахита. Несмотря на это, заботливый отец каждый сезон покупал обновки в надежде увидеть, как однажды Гольдштейн-младший пройдет в них хотя бы до почтового ящика. Когда же стало ясно, что несчастному парадная обувь не пригодится, убитый горем папаша раздал накопившиеся пары соседям. Потому чисто технически мальчишка не *«спускал в унитаз родительские деньги»*. В то же время интуиция подсказывала, что всем этим доводам будет противопоставлен отцовский ремень. За ним всегда последнее слово, точнее, удар... Вот почему ребенку так не хотелось переступить порог своего жилища.

— Том, это ты? — донесся знакомый женский голос с крыльца. — Слава богу, я уже испугалась! Проходи ско-

Последняя обитель

рее, ужин стынет! — прокричала миссис Возняк, поманив рукой и тут же скрывшись в проходе.

Парнишка вздрогнул и резко вышел из оцепенения. Вокруг было совсем темно. Ледяной осенний мрак, расплзавшийся шорохом опавших листьев, заполнил каждый уголок на Форест-стрит и едва не проглотил самого Тома, застрявшего в своих не по-детски тяжелых думах. За то время, что он стоял на улице, мелкая, неприятная морось, накрапывавшая весь день, усилилась. Начался дождь. Это Возняк-младший тоже упустил из виду. Он вообще умудрялся многого не замечать. Пару раз его чуть не сбила машина, а буквально на прошлой неделе он почти провалился в открытый канализационный люк. За секунду до падения грузный усатый рабочий с огромной зеленой татуировкой на руке схватил Тома за ухо и отбросил в сторону, неприветливо залааяв на незнакомом языке.

Выпадать из реальности мальчишке приходилось довольно часто, а контролировать это он пока не умел. Все начиналось и заканчивалось само собой. Порой причиняло серьезные неудобства. К слову, именно эта особенность привела к тому, что старшие ребята в школе заклеили Томми «чудилой» и при каждом удобном случае норовили отвесить подзатыльник. Бывало, он печалился по этому поводу, но зла не помнил. Застревая в дебрях собственных мыслей, Возняк-младший не спешил возвращаться. Он протискивался сквозь густые и колючие заросли подсознания и увлеченно беседовал сам с собой, пока кто-нибудь из реального мира не решал вернуть фантазера на Землю.